

3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы. – М., 1989.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – М., 1990.

Резюме

Статья посвящена анализу проблемы влияния социальной памяти и социального опыта на формирование и реализацию вариантов исторического развития, выбор оптимальных стратегий взаимодействия различных обществ.

Summary

Clause is devoted to the analysis of a problem of influence of social memory and social experience on formation and realization of variants of historical development, a choice of optimum strategy of interaction of various societies.

УДК 947.6

АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В УЧЕНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР (1939 – 1941 гг.)

А.В. Трофимчик

УО «Барановичский государственный университет»
г. Барановичи, Республика Беларусь

Инкорпорация Советским Союзом западных областей БССР с их немедленной идеологической ассимиляцией превратила систему образования в один из основных ключей государственной политики, согласно которой новым гражданам Страны Советов предопределялось «в короткий срок пройти расстояние, пройденное трудящимися СССР» [7]. Стояла задача скорейшей унификации с восточной частью республики, где «ширилась и расцветала культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию» [10], что противоречило принципам основоположного для большевиков марксизма с его единством формы и содержания. По точному замечанию Г. Паланевича, это был всего лишь шаг на пути к слиянию всех культур в одну общую и по содержанию, и по форме, чего не скрывал сам И. Сталин [5].

В постановлении Бюро ЦК КП(б)Б 1939 г. отмечалось, «что существующая система народного образования совершенно не отвечает интересам трудящихся масс населения Западной Белоруссии», и предлагалось «наркомпросу БССР (тов[арищу] Ураловой) в двухмесячный срок перестроить всю систему народного образования в

Западной Белоруссии в соответствии с существующей советской системой народного образования» [4, д. 158, л. 46].

Создание школ, «национальных по форме», протекало противоречиво. С одной стороны, создавался целый спектр национальных школ, в первую очередь белорусских, с другой – наблюдался явный перекося в сторону русскоязычных средних школ, что изначально закладывало русификаторские тенденции [9]. Часть населения проявляла нелояльность к преобразованиям. Не только советская, но иногда и современная историография не избегали ошибки, корни которой – в архивных источниках, где реакция противостояния (активного или пассивного) относится буквально на счет организации *национальной* школы (например, белорусы требовали перевода школы на польский язык преподавания [2, д. 410, л. 314-315]), но, анализируя эту реакцию, находятся совершенно иные причины, а именно – организация *советской* школы с ее жестким идеологическим уклоном, отменой свободы вероисповедания, контролем за жизнью ученика и учителя вне школы, перспектива продолжить образование лишь на русском языке.

Более всего эксцессов в связи с оккупацией и советизацией школы происходило в Белостокской области, среди жителей католического вероисповедания. Многие гимназисты еще в сентябре 1939 г. приняли участие в боях против Красной Армии [13; 17]. А после установления советской власти патриотическая деятельность продолжалась подпольно. По сообщению Е. Семашко, «в Гродно параллельно действовали ... конспиративные ячейки, в том числе польская военная организация, основу которой составляли ученики местных гимназий. Вскоре она установила контакты с учащейся молодежью по всей территории Западной Беларуси, стали регулярно курсировать связные, начались совместные скоординированные акции по антисоветской пропаганде» [8]. В польской историографии сообщается об инструкторах, возглавляющих молодежные подпольные организации харцеров [20] (аналог пионеров и комсомольцев в учебных заведениях II Речи Посполитой). Противостояние идеологическому засилью приобретало формы антагонизма и конфронтации. Учащиеся действовали как подпольно, так и открыто. Уничтожали советскую атрибутику, вывешивали антисоветские листовки, лозунги и портреты деятелей Польши, выказывали недовольство советской властью, выступали против изучения белорусского и русского языков [1, д. 152, л. 12; 2, д. 9, л. 113, д. 291, л. 10, д. 398, л. 128; 4, д. 243, л. 2, 6, 8 etc.]. В некоторых случаях доходило до травли, физической борьбы с комсомольцами и пионерами и таких же антисемитских проявлений [2,

д. 291, л. 9, д. 399, л. 27-28]. В Лиде, Ломже и некоторых других городах и местечках западных областей БССР состоялись школьные забастовки [1, д. 152, л. 12; 19]. С целью нейтрализации таких явлений принимались соответствующие меры. «На разработку антисоветского элемента среди учительства и учащихся старших классов» вербовались «секретные осведомители». Причем из документов понятно, что теми агентами являлись сами школьники, которые доносили на своих товарищей [1, д. 26, л. 310-311, д. 248, л. 36-40; 11]. Наиболее активные учащиеся вследствие тех мер подвергались гонениям и арестам [2, д. 291, л. 9; 4, д. 108, л. 17; 14]. Причем такие меры имели характер отнюдь не единичный. В одной только гимназии Августова (Белостокская область) было арестовано 40 учащихся, среди которых были 12-13-летние подростки [12]. Из всего количества членов выявленных на 27 июля 1940 «контрреволюционных» организаций в западных областях БССР г. школьной молодежи насчитывалось 1190 человек (или 13,6 %) [14, с. 207]. Зная о многочисленности сфабрикованных дел по антисоветской деятельности, следует предположить, что и в данном случае количество выявленных «контрреволюционеров» было завышено, как, кстати, и вина их деятельности, в чем убеждают приведенные здесь практические примеры. Однако несомненно, что антисоветские настроения в школьной среде имели массовый и активный характер.

К весне 1941 г. антисоветская деятельность учащихся была в основном ликвидирована. Даже в самых экстремистских, польских школах «по данным на март 1941 г. была достигнута почти нормальная посещаемость во время религиозных праздников», в чем сыграло роль постановление ЦК КП(б)Б «О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР» от 10 февраля 1941 г. [3] Вместо религиозных праздников широко и напыщенно стали отмечать красные даты новой государственной доктрины [18], в чем школы должны были принимать обязательное активное участие. Даже молчаливое прохождение колонны учащихся во время демонстрации в честь Октябрьской революции, имевшее место в г. Бресте, расценивалось как форма протеста [6].

Многочисленность документов о «контрреволюционной», антисоветской настроенности и часто даже активной деятельности среди учащихся учебных заведений свидетельствует о том, что школа, особенно в Белостокской области, являлась одним из очагов непримиримости с новой властью и подпольной борьбы против нее (кстати, именно так характеризуется в письме начальника НКВД Барановичской области полковника Мисюрева секретарю

Барановичского областного комитета КП(б)Б Туру Несвижская гимназия до ее реорганизации) [16]. Юношеский максимализм, не терпящий конформизма, зачастую выступал в качестве той лакмусовой бумажки общественных взглядов, которую хотели, но так и не смогли в полной мере ликвидировать органы большевистской власти, что проявлялось на протяжении всего рассматриваемого периода. В прошлом секретный рапорт секретарю Белостокского обкома КП(б)Б Кудряеву от 10 мая 1941 г. говорит о «господствовании» (термин документа) антисоветских настроений среди учащихся и учителей в школах типичного городка Белосточчины Августова [14, s. 399-401].

К концу рассматриваемого периода, как свидетельствует более умеренная политика, система школьного образования уже в основном приобрела необходимые для советской власти формы и содержание (для воплощения в жизнь программы по воспитанию «простого советского человека»). И хотя преобразования школы с целью удовлетворения национальных интересов как белорусов, ставших титульной нацией, так и нацменьшинств на самом деле являлись двуликими, амбивалентными, в целом школьная политика советской власти во многом благодаря популистским декламациям вызвала скорее симпатию у большей части населения бывших восточных провинций II Речи Посполитой. Однако, как показывают факты, значительное, количество новых граждан СССР латентно или открыто заняло строго антисоветскую позицию. В этом видятся следующие основные причины:

- 1) определенная часть населения (прежде всего почти все жители польской национальности, а также наиболее зажиточные и приуспевающие) изначально были настроены против советской власти в силу национальных и социально-политических взглядов;
- 2) система образования Польши являлась в сильной степени заидеологизированной, что давало свои плоды в виде патриотически настроенных школьников и педагогов;
- 3) советская власть, образ которой в силу интенсивной коммунистической пропаганды в межвоенный период выглядевший весьма привлекательно для «западников», уже в самое ближайшее время не оправдала чаяний народа, откровенно разочаровала своими преобразованиями (прежде всего в социально-политической и экономической сферах), поэтому неудивительно, что ее противники нашлись не в исключительных масштабах не только среди поляков, но и среди нацменьшинств, а также в числе жителей белорусской национальности. Их число, несомненно, бы росло на данной территории, но, с одной стороны, репрессии и депортации

редуцировали его, а с другой – эти же и другие brutальные методы руководства советской власти являлись устрашающим фактором для распространения диссидентского начала.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 7580 «П». – Оп. 1. – Д. 26, 152, 248.
2. Государственный архив общественных организаций Гродненской области. – Фонд 6195 (ГАООГО). – Оп. 1 – Д. 9, 291, 398, 399, 410.
3. Еленская, И. Антирелигиозная агитация и пропаганда в западных областях Беларуси. 1939 – 1941 / И. Еленская // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. – Białystok, 2000. – С. 174.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 27. – Д. 108, 158, 243.
5. Паланевіч, Г. Нацыянальная тэорыя і практыка балышавізму ў Беларусі / Г. Паланевіч // *Беларускі зборнік*. – Мюнхен, 1960. – Кн. 12. – С. 69.
6. Петровская, О. В. Реалии советской жизни: культура и быт Бреста в 1939 – 1941 годах / О. Петровская // *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*. – Białystok, 2000. – С. 236.
7. Политическое воспитание новых советских граждан // *Правда*. – 1940. – 20 сентября. – С. 1.
8. Сямашка, Я. І. Армія Краёва на Беларусі / Я. І. Сямашка. – Мінск.: Беларускае выдавецкае Таварыства “Хата”, 1994. – С. 16.
9. Трофимчик, А. Становление национальной сети советских школ в западных областях Белоруссии в 1939 – 1941 гг. / А. Трофимчик // *Проблемы педагогічных тэхналогій*. – Луцьк, 2002. – Выпуск 4. – С. 25-44.
10. Усилить подготовку девушек-трактористок // *Сталинская молодежь*. – 1940. – 10 декабря. – С. 1.
11. *Archiwum Wschodnie przy Ośrodku «KARTA» w Warszawie*. – Bakiński S., sygnatura II/607. – К. 35.
12. Batura, W. *Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku* / W. Batura, A. Makowski, J. Szlaszyński. – Suwałki: Wydawnictwo Zbigniew J. Filipkowski. – 1997. – S. 291.
13. Cygan, W. K. *Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939* / W. Cygan. – Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza, 1990. – S. 32, 46.
14. Gnatowski, M. *Niepokorna Białostoczczyzna. Opór społeczny i polskie podziemne niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939 – 1941 w radzieckich źródłach* / M. Gnatowski. – Białystok, 2001. – 490 s.

15. Kania, W. Bolszewizm i Religia / W. Kania. – Rzym, 1945. – S. 99-100.
16. Okupacja sowiecka (1939 – 1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939 – 1941. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1996. – S. 217.
17. Siemiński, J. Przyszliśmy, żeby was wyzwolić. Wspomnienia z Grodna i Stanisławowa (1939 – 1944) / J. Siemiński. – Białystok, 1992. – S. 12-16.
18. Śleszyński, W. Rocznice i święta państwowe obchodzone na Białostocczyźnie w latach okupacji sowieckiej 1939 – 1941 / W. Śleszyński // Biuletyn Historii Pogranicza. – 2001. – № 2. – S. 89-97.
19. Strzembosz, T. Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939 – 1941) / T. Strzembosz // Przegląd Historyczny. – Warszawa, 1992. – Z. 3. – S. 672.
20. Wnuk, R. Polska konspiracja antysowiecka na Kresach Wschodnich II RP w latach 1939 – 1941 i 1944 – 1952 / R. Wnuk // Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939 – 1953. – Warszawa, 2002. – S. 162, 209.

Резюме

В статье рассматривается реакция оппозиционной по отношению к советской власти школьной молодежи на проводимые преобразования. Подчеркивается массовость антисоветских настроений.

Summery

The negative reaction of the school youth upon the soviet reforms is taken up in this in this article. It underlines the mass character of the anti-Soviet spirits.

УДК 340.15

ИДЕИ ПИТИРИМА СОРОКИНА О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

С.К. Чернецкая

ЧУО «БИП - институт правоуправления», гродненский филиал
г. Гродно, Республика Беларусь

В условиях современных трансформирующихся обществ особое значение приобретает теория политической стратификации общества. Учитывая политическую стратификацию общества, можно предусмотреть её влияние на формирование институтов политической власти, социального представительства, политического участия, смоделировать политическую пирамиду общества, выявить и учесть